

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2010 – 12 (222)

Научно-информационный бюллетень
Издается с 1992 года

Москва
2010

Валентина Николаевна Сченснович
Россия и мусульманский мир № 12 / 2010

Серия «Научно-информационный бюллетень
«Россия и мусульманский мир»», книга 222

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10215496
Россия и мусульманский мир №12: Москва; 2010
ISBN 2010-12*

Аннотация

В журнале публикуются научные материалы по текущим политическим, социальным и религиозным вопросам, касающимся взаимоотношений России и мировой исламской уммы, а также мусульманских стран.

Содержание

РОССИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ	5
ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО	11
РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР:	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Россия и мусульманский мир №12

*КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!***

РОССИЯ ДОЛЖНА СТАТЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ

Дмитрий Медведев, Президент Российской Федерации

Мы изменились, потому что изменился весь мир. Мир, который мы видим сегодня, совсем не похож на мир образца пятилетней и даже годичной давности. Рухнуло то, что казалось незыблемым. Лопнули пузыри, создававшие иллюзию процветания. Испарились мифы, казавшиеся реальностью. С начала кризиса в финансовом секторе было списано около 1,8 трлн. долл., что превосходит размеры ВВП подавляющей части стран зоны евро. Эти списания вдвое больше, чем размер антикризисного фонда, который недавно был создан Евросоюзом. И это, видимо, не конец – финансовые организации все еще продолжают фиксировать потери.

На мир обрушилась волна разных проблем, сотни, тысячи корпоративных дефолтов. В США за последние два года через процедуры финансового оздоровления прошли примерно 250 банков. За 5 лет, которые предшествовали 2008 г., таких было всего около десятка.

Либерализм в мире, хотим мы того или не хотим, сменился умеренным, а подчас и совсем неумеренным протекционизмом. Высокий рейтинг более не гарантирует инвесторам надежность вложений. Впервые за долгие годы вслух и громко заговорили о необходимости структурных реформ не столько в развивающихся экономиках, но в первую очередь в развитых странах. Еще недавно странно было слышать, что угроза кризиса суверенного долга и бюджетные дефициты будут перехлестывать через край именно в передовых экономиках. Но сегодня это реальность. Мы к этому привыкли.

В этой реальности меняются экономические модели, финансовая архитектура, технологии, социальные институты. Гибкость и адаптивность – это те понятия, которые стали гораздо популярнее понятий стабильности и предсказуемости. Вполне очевидно, что это не всех радует. Вокруг этого идут очень мощные дискуссии, в том числе в Евросоюзе. Но изменения будут продолжаться. Единственное, что на фоне этих изменений можно утверждать абсолютно точно: мы уже не вернемся назад – к прежнему порядку и к прежним моделям развития.

Для России эта ситуация – и вызов, и возможность. Мы действительно живем в уникальное время. И мы должны использовать его, чтобы построить современную, процветающую и сильную Россию. Россию, которая будет соучредителем нового мирового экономического порядка и полноправным участником коллективного политического лидерства в посткризисном мире.

В течение ближайших десятилетий – это наши планы – Россия должна стать страной, где благополучие и высокое качество жизни граждан обеспечиваются не столько за счет сырьевых источников, сколько интеллектуальными ресурсами: инновационной экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий, экспортом продуктов инновационной деятельности. Россия должна стать привлекательной страной, куда будут стремиться люди со всего мира в поисках своей особенной мечты, в поисках лучших возможностей для успеха и самореализации, которые Россия сможет дать всем, кто готов принять этот вызов и полюбить Россию как свой новый или как свой второй дом.

Таковы цели нашей модернизации. Эти цели – я в этом абсолютно уверен – реалистичны и достижимы. Главное, что нужно для их претворения в жизнь – это «умная политика», позволяющая, с одной стороны, использовать наши возможности и конкурентные преимущества, а с другой – создающая механизмы постоянного самосовершенствования и развития.

В чем состоит эта политика? Я назову пять ее составляющих.

Первая. Сейчас в нашей стране сложились благоприятные макроэкономические условия для модернизации. В ситуации глобального кризиса мы, конечно, видим и недостатки нашей преимущественно сырьевой экономики. Тем не менее Россия обладает и очевидными преимуществами, которые можно и нужно использовать для развития.

Во второй половине прошлого года нам удалось стабилизировать экономику после тяжелого спада. И уже началось ее постепенное восстановление. Если по итогам второго квартала в прошлом году экономический спад составлял почти 11 %, то по итогам четвертого квартала – уже гораздо меньше – около 4 %. Этот год, что для нас, конечно, очень важно, мы начали ростом. Пока темпы восстановления экономики, может быть, не такие вдохновляющие, как мы бы хотели, но это все-таки уже приличные показатели. По данным, которыми мы располагаем, – 4 % за 5 месяцев. Нужно наращивать усилия. Есть государства, которые демонстрируют очень быстрое восстановление. Здесь есть чему учиться.

Возросшие сбережения населения поддержали банковский сектор и позволили быстрее стабилизировать ситуацию в экономике. Только депозиты физических лиц выросли за прошлый год более чем на четверть. У нас нет проблем с суверенным долгом – он минимален. Возобновился рост золотовалютных резервов, их сегодняшний уровень – около 460 млрд. долл. Это выше, чем аналогичный показатель конца 2008 г.

После беспрецедентных по масштабам мер поддержки экономики мы переходим к более взвешенной и осторожной бюджетной политике. Самое главное, что бюджетный дефицит контролируется, хотя, конечно, нас он не очень радует. Но он находится в разумных пределах, не подавляет задачи развития и с каждым годом будет уменьшаться. К 2011 г. дефицит федерального бюджета должен составить ориентировочно 4 % ВВП, а к 2012 г. – снизиться до 3 %. Конечно, если все будет развиваться в рамках нынешних прогнозов. Потому что мы все понимаем, какое количество факторов оказывает влияние на наши экономики и на ситуацию в мировой экономике.

Высокий уровень инфляции на протяжении последних двух десятилетий был одной из самых главных наших проблем. В 2009 г. инфляция существенно затормозилась – примерно до 9 %. Конечно, это связано не только с нашими усилиями, но и с общим уменьшением объемов экономики. Но в этом году инфляция продолжает снижаться и сейчас составляет около 6 % годовых. Если такие показатели будут выдержаны, то это будет самый минимальный уровень инфляции в России за последние 20 лет. Собственно говоря, за весь период развития нашей страны на принципах рыночной экономики.

Чтобы избежать чрезмерного бюджетного дефицита и долгового кризиса, сегодня многие страны принимают решение о существенном повышении налогов или о сокращении социальных программ и гарантий. И это объяснимые шаги. Но мы исходим из того, что наши социальные обязательства безусловны. Это связано с ситуацией, в которой пребывала наша социальная сфера в последние годы. Мы должны сделать так, чтобы социальные меры по защите наиболее слабых тем не менее не сдерживали прогресс. У нас есть возможность не увеличивать налоговую нагрузку помимо тех решений, которые сегодня уже известны. Более того, в следующем году мы предоставим дополнительные преференции инновационным компаниям. При благоприятных условиях восстановления глобальной и российской экономики в ближайшие годы мы вернемся к вопросу общего снижения налогов для бизнеса. Если, конечно, все будет развиваться по благоприятной схеме.

Второе. Бюджетная политика государства должна стимулировать структурный сдвиг экономики. У нас пока не так много денег в бюджете на структурные преобразования. Но и то, что есть, можно и нужно использовать по-другому – более эффективно и результативно. Поэтому с 2011 г. мы серьезно меняем бюджетную политику. Переориентируем бюджет на реализацию конкретных программ, усиливаем акцент на основные приоритеты развития. Мы приняли сложное и важное решение уйти от практики финансирования бюджет-

ных учреждений, не связанного с результатами их работы. Вместо этого мы профинансируем изменения, улучшения, новые проекты, решения конкретных задач. Например, бюджет оплатит внедрение «электронного правительства» и расширение доступа к широкополосному Интернету, обеспечит гранты для молодых ученых и перспективных исследований, поддержит рост энергоэффективности экономики и коммунальной сферы.

Третье – инвестиционная активность. Очевидно, что она – один из факторов инновационного развития и успешной модернизации нашей экономики. России нужен настоящий инвестиционный бум. И создание комфортных условий для инвесторов, по сути, является нашей важнейшей задачей. Сегодня мы ставим эту задачу в центр наших действий.

Некоторое время назад я изменил правила работы правоохранительных органов в отношении бизнеса. Теперь уже по закону ограничены возможности ареста предпринимателей при расследовании экономических преступлений. Процедуры проверок бизнеса стали более четко регламентированы и обусловлены надзором прокуратуры. Конечно, это не значит, что все проблемы решены, но в любом случае сделаны конкретные и вполне весомые шаги. И эти меры будут продолжены. Потребуются и дополнительные изменения в уголовное законодательство, в уголовно-процессуальные акты, в иное законодательство. Эти изменения я предложу.

В том, что касается улучшения инвестиционного климата, здесь, я также надеюсь, что мы идем вперед. С 1 января этого года упрощен порядок и расширены возможности применения нулевой ставки по налогу на прибыль в отношении дивидендов. Сегодня я готов объявить, что в России с 2011 г. будет полностью отменен налог на прирост капитала при осуществлении долгосрочных прямых инвестиций. Такие инвестиции нам критически необходимы для модернизации национальной экономики. И мы готовы создавать способствующие таким инвестициям институты. Поручаю Правительству проработать идею создания специального инвестиционного фонда, в котором государственные средства будут дополнены частным капиталом. Скажем, на 1 рубль государственных вложений мы рассчитывали бы привлечь 3 рубля частных инвестиций. Фонд будет заниматься привлечением в проекты стратегических инвесторов и софинансировать такие проекты. А их работа будет организована на абсолютно рыночных и прозрачных принципах. Думаю, что такая идея могла бы быть реализована в течение года.

Есть еще одно решение, и соответствующий закон я уже подписал: упрощен миграционный режим для высококвалифицированных специалистов, приезжающих к нам. В частности, для тех, кто будет участвовать в крупных инвестиционных, научных и высокотехнологичных проектах. Мы работаем также над улучшением визовых правил, и надеюсь, что многие гости нашего сегодняшнего форума уже в ближайшее время воспользуются новыми возможностями, чтобы делать бизнес и карьеру в России.

Четвертое. Мы прекрасно понимаем, что современную экономику невозможно построить сверху и по приказу. Сколько бы госкомпаний у нас ни было, модернизация будет проводиться прежде всего силами частного бизнеса. И только при наличии конкуренции. А роль государства – создавать для российских и иностранных предпринимателей благоприятный деловой климат, а также честную конкурентную среду. Когда-то наш нобелевский лауреат по физике академик Петр Капица повторял такую фразу: «Часто думают, что тот, кто сорвал яблоко, тот и сделал главную работу. Тогда как на самом деле это сделал тот, кто посадил яблоню». Государство не должно всегда само рвать яблоки с дерева экономики. Найдется тот, кто может сделать это иногда и лучше, и эффективнее. Но что точно входит в обязанности государства – так это помогать выращивать наш яблоневый сад, т.е. помогать развивать саму экономику, экономическую среду. Поэтому я сокращаю перечень стратегических предприятий в пять раз. Число стратегических акционерных обществ уменьшается с 208 до 41, федеральных унитарных предприятий – с 230 до 159. Такой указ мной подписан.

Пятое. Мы понимаем, что международная конкуренция – решающий стимул для нашей модернизации. В тепличных условиях ничего серьезного не вырастет. Поэтому мы хотим конкуренции и готовы к ней.

Россия давно готова к вступлению в ВТО и к присоединению к ОЭСР. Создание Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, дальнейшее движение к единому экономическому пространству являются нашим сознательным выбором работать в конкурентных условиях. Именно для этого мы все и создаем. И эти направления не противоречат, а дополняют друг друга. Я имею в виду наше членство в ВТО и наш курс на создание Таможенного союза и единого экономического пространства с нашими ближайшими партнерами.

Мы знаем, что конкуренция может быть очень жесткой. Но это означает только то, что нам еще очень многое предстоит сделать, чтобы улучшить систему государственного управления, стимулировать конкурентоспособность не только российской экономики, но и Российского государства, включая конкурентоспособность российской юрисдикции. Эффективной с точки зрения модернизации должна быть и наша внешнеэкономическая политика. Успехи российского бизнеса на мировых рынках, так же как и реальные результаты привлечения инвестиций, технологий, проектов в российскую экономику – вот главные критерии таких инвестиций, такого рода экономической деятельности.

Необходимый для модернизации российской экономики вектор перемен уже задан. Комиссия по модернизации, которую я возглавил почти год назад, активно работает по приоритетным направлениям: это энергоэффективность, космос, атомные, медицинские, информационные технологии. Это все очень важные для нас направления. Когда-то Альберт Эйнштейн сказал: «Все должно быть сделано так просто, как только возможно, но не проще». Именно так мы и намерены действовать. И уже началась реализация десятков конкретных проектов по приоритетным направлениям.

Один из таких примеров – внедрение передовых информационных и коммуникационных технологий. Мы одними из первых запустили беспроводные коммерческие сети четвертого поколения и продолжаем двигаться вперед, наращивая их зону работы и скорость передачи информации. Мы ставим перед собой достаточно амбициозные задачи – увеличить количество пользователей Интернета за несколько лет до самого высокого уровня, может быть, до 90 человек из 100 проживающих в нашей стране.

К 2015 г. Россия полностью завершит переход на цифровой формат телевидения. К этому же времени 60 % пользователей в стране будут иметь доступ к широкополосному Интернету. Считаю также формирование национальной платежной системы, развитие Интернета и электронных СМИ важнейшим ресурсом повышения темпов модернизации общества.

Вообще информационные технологии – это одно из ключевых направлений развития демократии. Скорость и качество обратной связи между властью и обществом, технологическое расширение гарантий свободы слова, интернет-технологии в избирательной системе важны для развития политической сферы, политических институтов в нашей стране.

В ряде случаев мы изменяем и нашу практику. Например, приняты решения о возможности применения в России технических стандартов Евросоюза. На это потребовалось определенное время, но, в конце концов, все согласилось, что проще сделать так, чем долго заниматься созданием собственных стандартов. Хотя мы тоже будем это делать. Мы создаем малые инновационные предприятия при университетах, развиваем систему национальных исследовательских университетов. Со следующего года полностью отменяется налог на прибыль для тех организаций, которые предоставляют услуги образования и здравоохранения.

Я также дам поручение Правительству о подготовке новой программы поддержки обучения российских студентов, российских специалистов за рубежом в ведущих исследова-

тельских университетах мира. Эта программа позволит усилить наше взаимодействие с мировой наукой, с мировым образовательным и инновационным сообществом.

Особое значение мы придаем созданию центра российских инноваций в Сколкове. Я внес в Государственную думу проект закона, который устанавливает особый правовой режим для этого центра. Здесь заработает уникальная для страны система отбора, реализации, коммерциализации и последующей поддержки инновационных проектов. Я надеюсь, что эта система будет успешной. Мы опробуем ее во всех параметрах: начиная от правовых аспектов и заканчивая новыми принципами партнерства между государством, бизнесом и наукой. А затем начнем тиражировать эту систему.

Поддержка инноваций, конечно, не должна ограничиваться только центром в Сколкове. Со следующего года вводятся существенные налоговые преференции для всех компаний, работающих в инновационной сфере. Однако в том, что создается национальный инновационный центр, есть определенный смысл. Мы исходим из правила, что, реализуя эффективный проект, получаем модель для последующего использования, последующего тиражирования.

За последнее время мы активизировали работу по формированию в России международного финансового центра. Наш интерес очевиден – для модернизации необходима развитая и конкурентоспособная на глобальном уровне национальная финансовая система. Таким образом, развитая финансовая индустрия является для нас и средством, и одной из самостоятельных целей модернизации.

Развитие финансового центра в Москве – хорошее предложение для всего мира. Это, кстати, показывает и мой опыт общения с руководителями крупнейших банков, крупнейших финансовых структур. Мы видим свою роль в том, чтобы совместными усилиями с другими ведущими экономиками мира совершенствовать архитектуру мировой финансовой системы, реформировать международные финансовые организации, создавать новые стандарты регулирования финансовых рынков.

Москва и так де-факто является полноценным финансовым и логистическим центром для всей России. Более 90 % всех денежных потоков и подавляющая часть грузов и пассажиров проходят именно через Москву, прежде чем отправиться в глубь страны или за ее пределы. Конечно, в этом есть и преимущества, и недостатки, и довольно большие проблемы. Но с каждым годом в Москве все плотнее концентрируются потоки из разных стран, в том числе СНГ.

Поэтому создание такого центра – логичный этап формирования нового мощного регионального финансового рынка. Уже в ближайшее время мы обсудим этот вопрос с нашими партнерами по Таможенному союзу, по ЕврАзЭС. Развитие московского финансового центра, я надеюсь, позволит существенно укрепить позиции рубля как одной из возможных резервных валют. От общих идей использования рубля в расчетах мы уже перешли к проработке соответствующих деталей с нашими партнерами.

Финансовая система России в целом вполне развита для того, чтобы осуществить это. В частности, несмотря на кризис, размер ее активов по итогам прошлого года составил около триллиона долларов. В Москве уже достаточно хорошо развит публичный финансовый рынок, на котором обращаются акции и облигации многих сотен эмитентов. Ежедневные обороты торгов уже давно измеряются миллиардами долларов. А по производным ценным бумагам Москва сейчас входит в десятку крупнейших мировых рынков. Таким образом, наш рынок весьма насыщен и вполне созрел для дальнейшего роста.

Изменения в законодательстве здесь, конечно, нужны, мы их обсуждаем. Не так давно я проводил в Москве совещание по созданию финансового центра. Какие это изменения? Они должны, во-первых, позволить более комфортно проводить операции на российских торговых площадках, сделать более удобным налогообложение финансовой деятельности.

До конца этого года мы планируем принять законы о консолидированной финансовой отчетности, о регулировании деятельности аффилированных лиц, о центральном депозитарии, о национальной платежной системе.

В настоящее время мы завершаем формирование Международного консультативного совета, который, я надеюсь, будет способствовать формированию финансового центра, его становлению. В совет приглашены руководители многих крупнейших банков и финансовых компаний мира.

Конечно, мы люди прагматичные и понимаем, какой долгий путь нам еще нужно пройти для того, чтобы в России возник настоящий конкурентоспособный финансовый центр. Но это как раз и объясняет наше решение активизировать эту работу именно сейчас.

Мы действительно модернизируем Россию. Перемены требуют времени. Но можете не сомневаться, мы это сделаем. Главные решения уже приняты. Значительная часть проектов уже работает.

Россия осознает задачи своего развития и меняется. Меняется и для себя, и для всего мира.

«Стратегия России», М., 2010 г., № 7, с. 5–12.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

*Георгий Малинецкий, доктор физико-математических наук, зам
директора по науке ИПМ им. М.В. Келдыша РАН*

Россия входит в критическое десятилетие. Страна переживает системный кризис, из которого возможен лишь один выход – ускоренное инновационное развитие. В любом ином случае распад страны неизбежен. Если мы не переломим нынешних тенденций, по колеям коих скользит Российская Федерация, нас уже ничто не спасет. РФ не сможет быть даже сырьевым придатком развитого мира. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что модернизация является одним из императивов развития России. В истории нашей страны подобная задача возникает далеко не впервые. Давайте рассмотрим, что понимается под модернизацией в наши дни. Важнейшей частью этого многогранного понятия является прорыв в научно-технической сфере, в области высоких технологий. Архимед полагал, что он перевернет Землю, если ему предоставят точку опоры. Модернизация России также должна была бы иметь точку опоры в научном, образовательном, экспертном и технологическом пространстве России.

Что могло бы стать такой точкой опоры?

Обращаясь к научной стороне этой задачи, можно увидеть, что она удивительно созвучна дискуссии о путях советской науки между выдающимся советским физиком академиком Л.А. Арцимовичем и математиком, механиком, организатором науки, президентом Академии наук СССР, М.В. Келдышем, которая состоялась более полувека назад. В те далекие годы бурного развития естественных наук, кибернетики возникло ощущение, что пророчество Карла Маркса о том, что наука станет непосредственной производительной силой, уже исполнилось. Символом такого научно-технологического оптимизма стала замечательная книга Станислава Лема «Сумма технологии». Исходя из этой парадигмы, академик Л.А. Арцимович и утверждал, что наука – это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет. По сути это ценностная ориентация – не так уж важно, чем заниматься, важно делать это на высоком уровне. Академик М.В. Келдыш придерживался иного взгляда. По его мысли, развитие науки, понимаемой как важный для общества институт, определяется несколькими крупными, важными для страны прикладными задачами. Таких проблем не бывает много. К главным, приоритетным направлениям относились освоение ядерных технологий, создание и совершенствование космических аппаратов и баллистических ракет, разработка компьютеризованных систем управления и связанных с ними программно-аппаратных комплексов. Иными словами, это целевая ориентация на государственном уровне.

Оглядываясь назад, можно сказать, что судьбы мира, ход истории во многом определялись тогда в исследовательских институтах, в лабораториях ученых, на полигонах. Знание, переплавленное в военные технологии, стало силой, способной избавить мир от больших конфликтов. М.В. Келдыш считал, что будущее советской науки – дальний космос. По его мысли, космическая отрасль (в советские времена более 1,5 млн. человек и около 1200 заводов) является высокотехнологичным локомотивом для всей промышленности страны. И сейчас, когда наша страна в течение 18 лет не имеет ни одного аппарата в дальнем космосе и многие технологические возможности оказались утраченными, становится очевидной справедливость этого парадоксального взгляда. Эта тенденция оказалась общемировой. Когда одного из американских президентов спросили, что же США нашли на Луне, он ответил: массу превосходных микросхем. Крупнейшие центры, занимавшиеся военной проблемати-

кой и вырвавшиеся далеко вперед, стали вносить все больший вклад в фундаментальные исследования, в высокие технологии гражданского сектора экономики.

Принципиальную роль с середины XX в. начало играть компьютерное моделирование. По сути в дополнение к экспериментальному методу и теоретическому изучению добавилась еще одна технология научных исследований – вычислительный эксперимент. Оборонный и экономический потенциал стран начал определяться среди прочего математическими моделями и базами данных, которыми они располагали, и коллективами, которые способны имитировать и изучать на компьютерах процессы различной природы, проектировать и прогнозировать, опираясь на это знание.

Иное можно сказать о приоритетах и об отношении к знанию в 1990–2000-х годах – несмотря на модели, прогнозы, предостережения исследователей, элиты и руководство нашей страны. не приняли их во внимание.

Роль научного предвидения, исторического и стратегического прогноза многократно возросла. Новую реальность, в которую вступит человечество, можно назвать эпохой выбора. Экономическое, технологическое, социальное развитие позволяет человечеству реализовать различные траектории XXI в. Нашей цивилизации придется осознанно, опираясь на научное предвидение, выбирать желаемый вариант своего будущего и нести ответственность за сделанный выбор. Либо этот выбор будет сделан стихийно, помимо наших планов, желаний, со всеми рисками, которые связаны с таким образом действий. На решение каких задач должна быть направлена промышленная политика нынешней России? Полагаю, что на решение той главной задачи, которую поставил перед элитой России и государственным аппаратом президент нашей страны Дмитрий Анатольевич Медведев. Это эффективное управление Россией в ее нынешних границах. Задача может показаться слишком скромной. Но так ли это? Американский политолог и социолог С. Хантингтон, имеющий большое влияние на американскую администрацию, называет XXI в. эпохой столкновения цивилизаций, временем схватки на геополитической арене за ресурсы. И действительно, мы видим острую конкуренцию и противостояние в экономической, военно-политической, информационной сфере, в пространстве смыслов и ценностей, проектов будущего между крупнейшими геополитическими игроками.

Каковы же нынешние потенциалы разных цивилизаций? Распад СССР стал крупнейшей геополитической катастрофой XX в. В самом деле, до начала горбачёвской перестройки наша страна имела вторую экономику мира. По уровню валового внутреннего продукта (ВВП) – одного из главных макроэкономических показателей – советская экономика в те годы составляла около 60 % американской и примерно в пять раз превышала китайскую. Нынешняя российская экономика составляет 6 % американской и 1/5 часть китайской. За 25 лет реформ отечественный «экономический слон» (по мировым меркам) превратился в «моську». Преодоление неблагоприятных демографических тенденций будет большой проблемой не только для нынешнего, но и для двух следующих поколений. У нас нет больше возможности брать не умением, а числом. И это тоже предопределяет выбор России в пользу форсированного роста обрабатывающей высокотехнологичной промышленности и инновационного развития. Задача, поставленная президентом РФ, требует точного, современного, эффективного государственного управления, важнейшей частью которой является промышленная политика. И одна из главных целей модернизации – обеспечить такое управление.

К сожалению, приходится констатировать, что у нас до сих пор нет промышленной политики. Сейчас мы все еще обсуждаем продвижение в той работе, которая должна была быть сделана 20 лет назад. (Поразительно, что в России до сих пор приходится кого-то убеждать в необходимости промышленной политики.) Более того, промышленная политика должна согласовываться с экономической, оборонной, социальной, региональной, технологической, образовательной и научной политиками. Это диктует и системный подход, и здра-

вый смысл. Но, может быть, и без этого дела идут отлично? К сожалению, нет. «Кризис» в переводе означает суд, испытание, экзамен. Реакция российской экономики на первую волну кризиса, имевшую место в 2009 г., и определила оценку той либеральной экономической политики, которая проводится в стране в последние 20 лет. Оценка эта – «неудовлетворительно». Проводимая ныне политика – прямое продолжение той, которая начиналась правительством Е. Гайдара в годы шоковых реформ. Все вы помните его слова о том, что наука у нас серая и все, что нам надо будет, мы купим за границей. И попытка «купить Кремниевую долину» – проект «Сколково», о котором я еще буду говорить в этой статье более подробно, – это порождение тех же рыночных иллюзий, того же неверия в отечественную науку и тех же комплексов государственной неполноценности. А иллюзий в отношении «покупки» высоких и не очень высоких технологий уже быть не должно. Достаточно напомнить, что в 2009 г. в продаже «Опеля» и электронной фирмы «Инфинум» Германией было России отказано. Так что дружба дружбой в нынешнем мире, а высокие технологии врозь.

У руля российской экономики стоят люди того же круга, что в начале катастрофических реформ 1990-х. Знаковой фигурой здесь является А.Б. Чубайс. Известные приватизация и ваучеры, за которые «можно было купить по две “Волги”», «блестящие» успехи электроэнергетики России (которые после Саяно-Шушенской катастрофы стали всем очевидны), «огромные» достижения «Роснано» дают полную уверенность в «сокрушительном» успехе проекта «Сколково», за который взялся этот «эффективный менеджер».

Падение ВВП за 2009 г. составило более 8 % (объем перевозок грузов по железным дорогам сократился на 20 %). Это падение ВВП более чем вдвое превышает американские показатели и примерно вшестеро общемировые. Но ряд стран не только успешно пережили кризис, но и продвинулись в развитии своих экономик. Свой ВВП за 2009 г. несколько увеличила Бразилия, на 6 % выросла за время кризиса Индия, на 8 % – Китай. Разная экономическая политика, разные результаты. Очень интересно, как бессменный (работающий на этом посту в течение десяти лет) министр финансов А. Кудрин прокомментировал успех Китая: «Недавно беседовал с нобелевским лауреатом Эдмундом Фелпсом. Он сказал, что в Китае некапиталистическая экономика, потому что большая часть инвестиций идет со стороны государства. Во время кризиса, когда во всех экономиках мира количество денег упало, у них оно выросло». Так вот оно в чем дело! Ребята играют не по правилам! Поэтому у них все хорошо. А мы делаем все «по-честному», по-капиталистически, и на Западе нас за это хвалят. Но результаты значительно скромнее.

Напомню весьма критическую оценку действий правительства РФ, данную президентом. Значительная часть из 200 млрд. долл., выделенных на «поддержку ликвидности», «финансовую стабилизацию», так и не дошла до реального сектора. В то же время 200 млрд. – это 10 млн. рабочих мест с зарплатой в 20 тыс. руб. в месяц на три года. Впрочем, за время кризиса число долларовых миллиардеров почти удвоилось, поэтому «поддержка ликвидности» дала свои плоды. Не за горами следующая волна кризиса, которая будет проходить на фоне стагнации экономики. Тяжелым временем, связанным с большими социально-политическими рисками, будут 2014–2015 гг. К этому времени хотелось бы не только убедить политический класс России в необходимости промышленной стратегии и политики, но и самым активным образом воплощать ее в жизни.

Перед Россией стоит вызов исторического масштаба. Вспомним опыт российских модернизаций. Известны идеи Петра I о том, что Россия должна в течение 30 лет взять те технологии, которые создал и развил Запад, а после этого к нему можно будет повернуться задом. Промышленность России, по его мысли, должна была быть способна лить пушки, строить корабли, ставить крепости, говоря нынешним языком, поддерживать оборонный комплекс на современном уровне ведущих в то время стран. Модернизация – тяжелое дело, требующее от народа и элиты сверх-усилий. И предпринимает ее не от хорошей

жизни, а сообразуясь с вызовами, которые ставят под угрозу само существование общества и государства. Обычно такие перспективы осознаются, когда возникает перспектива большой войны. Экзаменом для петровской модернизации стали война со Швецией и Полтавская битва. Россия успешно сдала этот геополитический и геоэкономический экзамен. Ленинская модернизация также имела ясные промышленные ориентиры. В ходе построения социализма должны были быть решены задачи индустриализации, коллективизации и культурной революции. Напомню чеканную формулировку: «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны». Реализация промышленной политики, потребовавшая сверхусилий от советского народа и также проходившая на фоне мирового кризиса, дала желаемые результаты. Страна преобразилась и смогла выстоять в Великой Отечественной войне. Экзамен был сдан.

Сейчас перед Россией стоят проблемы того же масштаба, как и во времена, предшествовавшие петровской и ленинской модернизациям. И вновь растет геоэкономическая и геополитическая нестабильность всей мировой системы, а с нею и риски крупномасштабных военных конфликтов, острого соперничества старых и новых центров силы, нового передела мира.

В настоящее время основой для промышленной политики является стратегический прогноз или, более точно, технологии проектирования будущего. Будущее не предопределено, и наши сегодняшние действия могут увеличить вероятность реализации одних из его вариантов и уменьшить вероятность реализации других. За прошедшие века значение предвидения и возможности прогнозирования многократно возросли. В этой области в последние 30 лет XX в. произошла научная революция. Она связана с теорией самоорганизации, или с синергетикой, с одной стороны, и с огромными возможностями компьютерного моделирования – с другой. За время существования компьютеров их быстроедействие возросло в 100 млрд. раз. Ни одна отрасль промышленности не знала такого стремительного прогресса своей продукции, как компьютерная индустрия. В США есть более 50 мозговых центров, занимающихся проектированием будущего в целом и альтернативными вариантами стратегий промышленного развития в частности. В стране ежегодно проводится около 30 общенациональных конференций, посвященных этим проблемам. По этому пути уверенно идут Япония, Германия, Финляндия, Франция, многие другие страны, опирающиеся в формировании своей промышленной и инновационной политики на возможности науки.

Эта важнейшая работа имеет две ипостаси. С одной стороны, она ориентирует лиц, принимающих решения на государственном и региональном уровне, на уровне крупнейших корпораций. Она показывает, какими будут наиболее вероятные последствия и риски принимаемых решений, какую цену придется заплатить за выбор той или иной альтернативной стратегии. С другой стороны, часть этой информации становится достоянием общественности и начинает формировать образ желаемого будущего, цели, мечты, приоритеты, карту угроз в массовом сознании. Это позволяет активно задействовать потенциал информационного управления и рефлексивного управления обществом. С горечью приходится констатировать, что серьезного, ответственного отношения к своему будущему (в частности, к промышленному будущему) в России пока не выработалось.

В основе многих технологий проектирования будущего лежит теория больших волн экономической конъюнктуры, созданная нашим выдающимся соотечественником Николаем Дмитриевичем Кондратьевым (1892–1938). В соответствии с этой теорией системной основой экономических кризисов, войн, революций, геополитических катастроф является смена одних технологических укладов другими. Именно это и оказывается важнейшим фактором, который следует учитывать в формировании и проведении промышленной политики. Если попытаться выразить суть сложной кондратьевской теории как можно проще и короче, то она сведется к следующему. Развитие мировой и национальных экономик – не есть плав-

ный и постоянный рост, а циклический волнообразный процесс. Циклы состоят из чередующихся фаз относительно высоких и относительно низких темпов экономического роста. Так же неравномерно идет и технологический прогресс – периоды бурных технологических революций сменяются периодами застоя. Для периода, последовавшего за промышленной революцией, обычно выделяются следующие кондратьевские циклы/волны и соответствующие им технологические уклады:

I цикл (с 1803 по 1841–1843) – текстильные фабрики, промышленное использование каменного угля.

II цикл (с 1844–1851 по 1890–1896) – угледобыча и черная металлургия, железнодорожное строительство, паровой двигатель.

III цикл (с 1891–1896 по 1945–1947) – тяжелое машиностроение, электроэнергетика, неорганическая химия, производство стали и электрических двигателей.

IV цикл (с 1945–1947 по 1981–1983) – производство автомобилей и других машин, химической промышленности, нефте-переработки и двигателей внутреннего сгорания, массовое производство.

V цикл (с 1981–1983 по 2018) – развитие электроники, робототехники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники.

VI цикл (с 2018 по ~2060) – конвергенция nano-, био-, информационных и когнитивных технологий.

Являются ли реальностью кондратьевские циклы? Безусловно! Предсказания Н.Д. Кондратьева не раз подтверждались. В частности, на основании своих расчетов он предсказал Великую депрессию 1930-х годов. В соответствии с теорией Н.Д. Кондратьева именно нынешние пять–семь лет имеют ключевое значение для России. Именно на этой стадии экономического цикла ищутся и отбираются те нововведения и инновации, которые станут основой промышленного развития на ближайшие 30 лет. Это время не должно быть упущено.

Заметим, что успешное технологическое развитие требует также самого активного использования гуманитарных технологий. Общество должно понять и принять перемены, активно участвовать в них. В важности этого фактора убеждает опыт петровской и ленинской модернизаций. Петру для проведения преобразований пришлось основать империю и «прорубить окно в Европу», Ленину – создать Советский Союз и предложить новый тип жизнеустройства, заложить основы советской цивилизации. Здесь промышленная политика смыкается с культурной, социальной, образовательной, научной. И тут также у нашей страны большие проблемы. По данным социологов, 97 % граждан России не считают, что они каким-либо способом влияют на принимаемые государственные решения и несут за них какую-либо ответственность. В этих условиях, в ситуации противопоставления «мы» и «они», шансов на успешную модернизацию России, на новую индустриализацию страны невелики.

Однако мало рассматривать промышленную политику «в целом». Такой подход необходим, но недостаточен. В развитых странах рассматривается и такое развитие, и меры по государственной поддержке отдельных отраслей экономики. Принимаются соответствующие законодательные акты (можно вспомнить в этой связи известный американский «закон о запаянном вакууме», направленный на поддержку усилий по миниатюризации электронных устройств и сыгравший в свое время важную стимулирующую роль в развитии этой высокотехнологичной отрасли экономики). Дело в том, что в разных кондратьевских циклах различны не только технологии, а также то, что их развитие происходит в разном темпе. Стремительно, к примеру, развивались, росли, реализовывали свой потенциал авиастроение, атомная энергетика, телевидение... А авиатранспорт, связанный с созданием гигант-

ской мировой инфраструктуры, и компьютерная индустрия потребовали гораздо больше времени, чтобы раскрыть свои возможности.

Подобный анализ для разработки промышленной политики принципиально важен. Дело в том, что на разных этапах развития отрасли и макротехнологии, и ожидаемые результаты, и меры по государственной поддержке должны быть различны. Подчеркнем, что речь идет о процессах, развивающихся в «медленном времени», гораздо более длительном, чем период бизнес-цикла в уже сложившихся отраслях. В первом случае временной масштаб – десятилетия, во втором – месяцы и годы. Первые 10–15 лет уходят на фундаментальные исследования, создание нового знания, открывающего новые возможности для экономики, на опережающую подготовку кадров. Здесь решающая роль принадлежит государству. Еще 10–15 лет уходит на прикладные разработки на «переплавку» нового знания в действующие образцы, в новые товары, услуги, возможности. Здесь все более активную роль начинает играть бизнес, дополняющий усилия государства и берущий на себя часть рисков, связанных с развитием новой макротехнологии. Далее 10–15 лет идет диффузия инноваций, совершенствуются технологии массового производства, происходит проникновение созданного во все отрасли экономики, готовые к этому. И тут, как показывает опыт стран – членов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, роль бизнеса, крупных корпораций может быть решающей.

Посмотрим с этих позиций на историю XX и начала XXI в. Начало XX в. ознаменовалось развитием IV технологического уклада. Его локомотивными отраслями стали тяжелое машиностроение, металлургия, большая химия, автомобилестроение, самолеты, электрические машины. Символ этой экономической эпохи – массовое производство, конвейер. На этом этапе мирового развития произошла смена главного энергоносителя. XIX в. с полным основанием можно назвать веком угля, XX – веком нефти и электричества. И Первую и Вторую мировые войны многие экономисты и историки рассматривают прежде всего как войну нефти против угля. Сталин, форсированно развивая военную промышленность, предвидел, что Вторая мировая война будет войной моторов. И его прогноз оказался верным. Истинный, экономический смысл сталинской модернизации – освоение возможностей, представляемых IV технологическим укладом. Эта задача потребовала сверхусилий и от народа, и от элиты. Ее решение позволило СССР выстоять в Великой Отечественной войне и стать сверхдержавой.

Россия, втянувшаяся с 1990-х годов в бесплодные разрушительные реформы, пропустила V технологический уклад, развивавшийся с 1970-х годов. Локомотивными отраслями этого технологического уклада были компьютеры, малотоннажная химия, телекоммуникации, электроника, Интернет. На этой волне взлетели Япония, Южная Корея, «тихоокеанские тигры».

В 2014–2018 гг. ведущие страны мира будут переходить к VI технологическому укладу, локомотивными отраслями которого станут, вероятно, биотехнологии, нанотехнологии, новая медицина, высокие гуманитарные технологии, полномасштабные системы виртуальной реальности, новое природопользование. Развитые страны готовятся к большому технологическому скачку. Именно это и является стержнем их экономической политики.

Посмотрим с этой точки зрения на нынешний кризис. Его глубинная причина совсем не в том, что «плохие американские парни» набрали ипотечных кредитов и не желают расплачиваться по долгам. Она совсем не в том, что США злоупотребляют печатным станком. Хотя важность этих факторов очевидна и ее не следует оспаривать. Дело в том, что отрасли V уклада исчерпали свой потенциал развития. Они не дают прежней отдачи. В самом деле, в кармане у каждого из нас мобильный телефон. В России их уже 180 млн. штук. Рынок насыщен. И создай мы сейчас фирму для производства подобных аппаратов, это ничего не изменит ни для мира, ни для России. Этот поезд уже ушел. Дорога ложка к обеду.

Перед государством, российской отечественной наукой, образованием и промышленностью стоит стратегическая задача – вскочить в последний вагон уходящего поезда VI технологического уклада. Сейчас происходит «пересдача карт Истории» – определяется, какие страны и регионы станут продавцами, а какие покупателями, кто будет ведущим, а кто ведомым, какие страны и цивилизации ждет взлет, а какие уйдут с исторической арены. Этот шанс не должен быть упущен Россией.

Однако имеет ли сформулированная задача, связанная с «перескоком через технологический уклад», решение? Ведь в России, по сути, нет развитой индустрии V уклада. Можно ли в этом случае построить промышленность, ориентированную на VI уклад? Не только модели, оценки и прогнозы, но и исторический опыт показывает, что можно. Рассмотрим с этой позиции страны – аналоги России – Канаду и Южную Корею, которые в 1970-х осваивали V технологический уклад. Канада была удовлетворена своим местом в мире и тесными связями с американской экономикой. Поэтому темпы роста были невысокими и большая часть ВВП тратилась на потребление. Южная Корея, напротив, была нацелена на форсированный рост, на вхождение в число развитых стран, на инновационный прорыв, связанный с освоением VI технологического уклада. Южнокорейский опыт заслуживает отдельного анализа и обсуждения. Однако на несколько ключевых моментов следует обратить внимание.

Во-первых, это сильная государственная политика, блокирующая вывоз капитала из страны и направленная на то, чтобы предприниматели развивали высокотехнологичную промышленность внутри страны, а не шли за рубеж.

Во-вторых, ясное целеполагание и элементы государственного планирования, позволившие сформулировать и реализовать сильную, адекватную промышленную политику.

В-третьих, сверхусилия, вложенные в модернизацию. В течение ряда лет на накопление, на создание новых отраслей промышленности тратилось более 40 % ВВП. Такой мобилизационный режим экономического развития трудно представить. Но это было сделано и дало результаты. Базисные темпы роста экономики в течение десятилетий превышали 10 % в год.

В-четвертых, опережающие вложения в образование, в научные исследования и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). В ходе модернизации Сеул занял первое место в мире по числу физиков на душу населения.

В-пятых (возможно, это и есть ключевое условие успеха), применялись гуманитарные, социально-психологические технологии модернизации, позволяющие использовать цивилизационные особенности и императивы традиционного общества, а не заниматься вестернизацией, взломом сложившихся за века смыслов и ценностей. Ключом к успеху стали чеболи – вертикально-интегрированные компании. Верность роду и почитание старших перешли в корпоративную культуру, преданность своей фирме – в лояльность по отношению к руководству.

Этот важный урок – инновационный прорыв и модернизация не имеют общих рецептов. Они требуют дальновидности, мечты и огромного труда (всего того, что входит в понятие сверхусилия). По-видимому, и предстоящая России модернизация не будет исключением.

В рамках исследований, которые ведутся ИПМ РАН, академиком РАН, ректором МГУЮ и А.А. Акаевым, была проанализирована отраслевая структура промышленности наиболее успешно развивающихся стран (в основном членов Организации по экономическому сотрудничеству и развитию). Оказалось, что их отраслевые структуры в ходе развития сближались. Это позволило сформулировать «правило одной пятой и половины»: обрабатывающая промышленность должна занимать 20 % в структуре современной экономики, финансы – 25, услуги – 22 %. В обрабатывающей промышленности на высокотехнологичный сектор должно приходиться 20 %, на средневысокотехнологичный – 30 %. И

поэтому важнейшим инструментом управления экономикой является промышленная политика, направленная на структурные сдвиги, ведущие к оптимальным пропорциям для основных областей хозяйства.

Отметим, что первая волна кризиса сделала подобные подходы очень популярными. Если еще не так давно в качестве примера для подражания приводилась «пустотелая» американская или английская экономика со стремлением к аутсорсингу, к перебазированию всего промышленного производства за границу, то сейчас многие видные государственные деятели и эксперты считают, что кризис 2009 г. уже преподал два серьезных урока. Вера во всемогущество рынка является ошибкой. Рынки, при всей важности, не могут заменить целенаправленного сильного государственного, и в частности промышленного, политики. Часть промышленного и сельскохозяйственного производства независимо от уровня развития «экономики знаний» необходимо иметь внутри страны. Это придает устойчивость и сбалансированность экономике, что особенно важно ввиду предстоящих кризисов.

В настоящее время одной из необходимых черт промышленной политики должны стать реализм, конкретность, опора на научное знание. Обратимся к российским реалиям. Две трети территории России находятся в зоне вечной мерзлоты. Наше отечество расположено в зоне экстремальных географических и геоэкономических условий. Из этого вытекает, что Россия не может «на общих основаниях» участвовать в процессах глобализации. В самом деле, под глобализацией в ее изначальном смысле понимают процессы, обеспечивающие свободный поток людей, идей, капиталов, товаров, информации и технологий.

В условиях глобализации отечественная промышленность традиционных отраслей должна будет конкурировать с китайскими, малайзийскими, индийскими и иными производителями. И поэтому неизбежно будет проигрывать. В самом деле, холодные зимние температуры на основной части территории приводят к очень высокой энергоемкости продукции (возможность не обогревать свою фабрику – огромное конкурентное преимущество), а также к большим затратам на капитальное строительство (стены в 2 кирпича и трубы под землей). Наконец, нельзя сделать рабочую силу дешевой – ее надо обогревать, тепло одевать и хорошо кормить. Поэтому оценка Маргарет Тэтчер, считающей, что в условиях глобализации экономически оправдано проживание на территории России 15 млн. человек, недалека от истины.

Следует отказаться и от мысли о том, что Россия сможет быть «энергетическим гарантом» Европы или Азии. Характерная цена годового экспорта российской нефти – 60 млрд. долл., оружия – 6 млрд. В то же время Индия уже экспортирует программного обеспечения на сумму в 40 млрд. долл. и планирует увеличить этот показатель до 60 млрд.... Нехорошо так говорить, но мне кажется, что место Индии в мировом производстве программного продукта вполне могла бы занимать Россия... Географические условия, исключая бытие России и в роли «рантье», и в роли «энергетического гаранта», были прекрасно рассмотрены в книге А.П. Паршева «Почему Россия не Америка». Но, как показывает мой опыт преподавания в Академии государственной службы при Президенте РФ, для многих людей, управляющих Россией, они по-прежнему остаются откровением. Отсюда следует, что российские реалии диктуют ее промышленную и инновационную политику. Это должна быть политика высоких технологий. Мы должны делать то и так, что и как не умеют делать другие страны. И прежде всего с этим, а не с нефтью, газом, следовало бы выходить на мировой рынок. Располагая третьей всех минеральных ресурсов мира, Россия имеет экономику, вклад которой в мировой глобальный продукт составляет менее 3 %. Отсюда следует, что стране необходим форсированный экономический рост.

Ряд отраслей промышленности России до сих пор не вышли на уровень 1990-х. По сути 20 лет были потеряны для промышленного развития. Эпоха безвременья должна кончиться. Именно для того, чтобы Россия встала с колен, чтобы у нее был шанс остаться в

истории, ей необходима модернизация и сильная промышленная политика. Промышленная политика, как и другие направления развития страны, ставит перед федеральной властью, перед элитами, регионами, перед всеми нами один и тот же вопрос: «Мы хотим быть или казаться?» Важно определить для себя: нам нужен результат, или вполне достаточно оправдываться по-черномырдински «хотели как лучше...»

Показателен в этой связи проект «Сколково». В начале 2010 г. на все 14 наукоградов России планировалось выделить 600 млн. руб., а только на проектирование инновационного комплекса «Сколково» предполагается затратить 4,5 млрд. руб. Наукоградам есть чем похвастаться. Например, наукоград Кольцово за семь лет увеличил отчисления в бюджеты всех уровней в десять раз. Однако отношение к этим центрам, которые могли бы стать локомотивами инновационного развития, у Министерства образования и науки и ряда других органов власти примерно такое же, как к чемодану без ручки. И выбросить жалко, и нести тяжело. Недавно прошедшее обсуждение проблем наукоградов в Дубне это наглядно показало. В самом деле, при обсуждении обособленных автономных образований инновационной ориентации – наукоградов нового поколения – много раз ставился один и тот же вопрос, который ставили исследователи, представители научных институтов и органов власти Сарова, Зеленограда, Обнинска, Кольцова, Дубны, других центров: «А что же должно быть сделано? Что должно быть результатом? Почему нельзя воспользоваться имеющимися лабораториями, подготовленными кадрами, опираться на потенциал ведущих научных школ России? Почему опять надо начинать с труб, фундаментов, домов, с создания инновационной инфраструктуры?»

Разъяснения руководителя проекта «Сколково» В.Ю. Суркова и ряда других чиновников, причастных к этому проекту, не добавили ясности. Пока проект «Сколково» выглядит как симулякр (этот емкий термин был введен французским философом Ж. Батаем и обозначает «точную копию предмета, оригинала которого не существовало»). «Кремниевая долина», которую, по заявлениям официальных лиц, должно копировать «Сколково», возникла в конкретной экономической, технологической и социальной сфере на определенном этапе развития экономики. И то, что сработало в одной ситуации, может быть совершенно неприемлемо в другой. Бессмысленно приобретать отличный самолет, если не строить аэродромов. Результата не будет, зато будет видимость. Конечно хочется, чтобы сколковские инициативы, как и другие проекты инновационного развития, были успешны, состоялись, чтобы они были, а не казались.

И здесь тоже хочется обратить внимание на заблуждение, распространенное в коридорах российской власти, о том, что выделение достаточно больших сумм решает все проблемы. Напротив, сплошь и рядом без ясной политики, четкого целеполагания и стратегического планирования, без эффективного использования других инструментов «заливание деньгами» может оказаться бесполезным, а иногда и разрушительным. Обратимся к упомянутой поддержке наукоградов. В частности, эти вопросы недавно обсуждали на инновационном форуме в городе Обнинске Калужской области. Главным индикатором чиновники федерального уровня до сих пор считают долю выделенных средств, которые пошли «на поддержку и создание инновационной инфраструктуры». Двадцать лет тотального и бесплодного создания всех и всяческих инфраструктур. Бессмысленно закупать впрок кухонную утварь, если повар не знает, кого и какими блюдами ему предстоит кормить. Не всегда хорошо ставить телегу впереди лошади. Деньги не заменяют целеполагания, промышленной политики, социальной организации и самоорганизации, необходимых для достижения результата, а не для имитации процесса. Есть иллюзия, что «Сколково» сработает на внутреннюю стабильность и успокоит более 10 млн. научной и технической интеллигенции, которую реформы последних 20 лет оставили не у дел и лишили перспективы. Думаю, что

это – заблуждение, что надо ставить большие конкретные задачи и работать на этот результат.

Системный подход, здравый смысл и мировой опыт показывают, что промышленная политика и модернизация самым тесным образом связаны с инновационной и образовательной политиками. В самом деле, России предстоит вступить в новый технологический уклад, в новую реальность. И это требует исследователей, изобретателей, организаторов, предпринимателей, работающих на будущее. Выдающийся немецкий экономист, основоположник эволюционной экономики, Йозеф Шумпетер разделил всех экономических агентов на консерваторов (их около 90 %) и новаторов (10 %). Первые стремятся сохранить статус-кво, удержать долю рынка. Вторые, как правило, ориентируются на кардинальные перемены, на инновации и новые отрасли экономики, на форсированное развитие. И, на мой взгляд, одно из главных направлений промышленной политики – дать шанс новаторам. Именно от этого зависит судьба проекта модернизации России.

Одним из ключевых инструментов для промышленного развития, для создания индустрии, относящейся к следующему технологическому укладу, является во всем мире национальная инновационная система. Как же дела обстоят с ней в России? О формировании такой системы, как о стратегическом приоритете, В.В. Путин, в бытность президентом РФ, говорил с 2001 г. При обсуждении положения дел в этой области вспоминается крылатая фраза Ходжи Насреддина: «Сколько ни говори “халва”, во рту сладко не станет». Инновационную систему можно сравнить с автомобилем. Для того чтобы автомобиль мог двигаться, ему нужен руль, двигатель, колеса и тормоза. Чтобы существовала инновационная система, должен быть замкнут круг воспроизводства инноваций.

Прокомментируем основные части инновационной системы. Важнейшая функция – мониторинг, стратегический прогноз и целеполагание. И в современной капиталистической экономике роль этого блока не меньше, а может быть, и больше, чем в социалистической. США, Япония, Финляндия, Китай, многие другие страны всерьез занимаются мониторингом научной, информационной, промышленной сферы, прогнозируют их развитие и на этой основе строят свою промышленную и инновационную политику. По сути они выполняют существенную часть работы Госплана. Подобные структуры могут быть по-разному организованы и носить различные названия. Но они должны быть! К сожалению, подобных организаций, решающих задачи прогноза и выработки стратегии промышленного развития страны на государственном уровне с учетом возможностей науки, в современной России нет. Это наглядно показала судьба известной «Стратегии-2020», не пережившей первой волны кризиса и надежно забытой.

В то же время стратегические ошибки являются самыми дорогими – как правило, их не удается исправить на более низких уровнях управления. Приведем пример. Недавно были оглашены технологические и инновационные приоритеты: энергоэффективность и энергосбережение, в том числе разработка новых видов топлива; ядерные, космические, медицинские, стратегические информационные технологии.

Не отрицая важности всех этих направлений развития, заметим, что все они относятся к IV или V технологическим укладам. Это то, что уже было пройдено и миром, и отчасти нашей страной... А где же направления развития VI технологического уклада? В мире в автомобилях давно и успешно используют навигаторы. Хотелось бы завести нечто подобное и в российской инновационной машине. Но в любом случае стекла и зеркала протереть полезно. Заметим, что и стратегический прогноз, и мониторинг стоят, по сравнению со всем остальным, очень дешево. Дело здесь не в деньгах, а в субъекте инновационного развития, который готов был бы взять на себя ответственность за решение этой задачи и организовать ее практическое воплощение.

Роль руля играют фундаментальная наука, добывающая новое знание, и подготовка кадров на перспективу (условно говоря, этот блок инновационной системы стоит 1 рубль). И здесь также многое вызывает беспокойство. Большое впечатление на преподавателей, профессоров и исследователей оказала идея, высказанная министром образования и поддержанная президентом РФ во время посещения МИФИ, о том, что вместо трех тысяч вузов с филиалами в России вполне достаточно иметь 200 вузов, из которых 50 университетов. Фундаментальную науку, судя по расходам бюджета, тоже решено «разверстать», создав конкурентов РАН в лице Курчатовского института и Высшей школы экономики и вкладывая большие средства в федеральные и инновационные университеты. Как это у нас повелось, и этот «эксперимент» был начат без широкого обсуждения с самими учеными, без определения целей, задач, этапов, ожидаемых результатов, без анализа сопутствующих рисков, как говорится, «на авось». Хотелось бы надеяться на лучшее, но опыт реформирования российских науки и образования не дает для этого оснований.

Двигателем инновационной машины является прикладная наука. Именно здесь (а не в академическом секторе) происходит генерация инноваций, создание опытных образцов, превращение нового знания в конкретные товары, услуги, возможности. Этот блок, условно говоря, стоит 10 рублей. Прикладная наука, в основной своей части, была разгромлена еще в 1990-х. Многие отраслевые институты ушли в небытие с крушением отраслевой системы управления экономикой. В нашей стране поразительно мало обращают внимание на очевидный вопрос – как восстановить прикладную науку в России. Без двигателя машина не поедет.

После того как созданы опытные образцы или новые технологии, их надо доводить до уровня массового производства, выводить на рынок, продвигать, участвуя в жесткой конкурентной борьбе. Это колеса автомобиля. Этот блок условно можно оценить в 100 рублей. Во всем мире эту работу берут на себя высокотехнологичные гиганты, крупные транснациональные корпорации. На этом уровне поддержка государства зачастую также оказывается решающей. Однако больших высокотехнологичных компаний мирового уровня за 20 лет реформ в России вырастить не удалось. Именно это является одной из ключевых проблем промышленной политики современной России. Без колес машина не поедет. К чему приводит отсутствие этого блока в инновационном секторе российской экономики? К продаже «сырья» – научных идей, отдельных исследователей и инженеров за рубеж. Заметим, к примеру, как велика роль выходцев из России в развитии Кремниевой долины, однако успешных крупных российских фирм здесь практически нет. Иными словами, альтернативой собственной инновационной системе является работа в качестве наемной рабочей силы (как правило, очень дешевой) на благо тех стран и цивилизаций, где есть подобные системы. Естественно, такая работа по зарубежному заказу, без серьезной заинтересованности государства в развитии высокотехнологичного сектора, ведет к деградации научно-технического потенциала России и ослабляет отечественную промышленность, вынужденную покупать то, что придумано и спроектировано в России, у других стран.

Следующий блок очень дешев по сравнению с предыдущими, но жизненно необходим на каждом этапе инновационного цикла. Это система экспертизы (к одному из способов ее организации, связанному с созданием когнитивных центров, мы далее вернемся). Вновь спросим себя: «Быть или казаться?» Кремниевая долина – это не только множество малых фирм, не только удобное место для занятий наукой и производством, не только привычка нескольких нобелевских лауреатов посещать этот уголок. Это прежде всего поток проектов, идей, предложений. (А для того чтобы они были, надо, чтобы у изобретателей и исследователей был шанс на практическое воплощение придуманного. Нужна достаточно высокая восприимчивость экономики к инновациям.) Исходя из этого, в нашей стране следовало бы повысить инновационную активность хотя бы до советского уровня – в 10–15 раз. В Кремниевой долине поддержку венчурных фондов получают в среднем семь проектов

из тысячи. Сито научной, технологической, маркетинговой и прочей экспертизы является очень частым. Но именно это и позволяет уменьшить до приемлемого уровня риски инвесторов, предпринимателей, бизнес-ангелов, корпораций, государственных структур, вкладывающихся в определенные технологии. Без этого дело не пойдет на лад. Тормоз, роль которого играет экспертиза, также жизненно необходим.

Стоит напомнить о Всесоюзной организации изобретателей и рационализаторов, об отраслевых совещаниях, на которых в ряде министерств удалось организовать экспертизу. В СССР были свои механизмы решения этой задачи. В современной России они могут быть другими. Но они должны быть. Иначе нам остается только казаться. Часть прибыли от полученных в ходе реализации инновационных товаров, услуг возможностей должна вкладываться в систему образования и в научные исследования. Эта важнейшая обратная связь сейчас также во многом связана не с вкладом конкретных задач, на решение которых должна быть направлена промышленная политика, а с благосклонностью отдельных бюрократов или конъюнктурными интересами.

Но, может быть, все не так плохо, как кажется? Ведь есть же фонды, гранты, лоты, конкурсы, инновационные форумы. Конечно, все не так плохо, все гораздо хуже. Чтобы оценивать ситуацию, надо опираться на объективные количественные данные. Часть из них связана с промышленностью. Если в странах – лидерах современного мира доля инновационной продукции доходит до 60 %, то в России она составляет около 55 %. Недавно Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) опубликовала данные по числу международных патентов, полученных в 2009 г. Таковых оказалось 155 900. Пятерка лидеров по количеству изобретателей – США (более 45 000 патентов), Япония, Германия, Южная Корея и Китай. Россия занимает 23-е место в мире. На ее долю приходится 569 патентов (0,36 % от мирового показателя). Много это или мало? Это втрое меньше, чем зарегистрировала одна японская фирма (Panasonic, 1891 патент) или одна китайская (Huawei Technologies, 1847). На инновационной карте мира Россия примерно в 10 раз меньше, чем на экономической (напомним, что вклад России в глобальный валовой продукт составляет около 3 %). То есть для того, чтобы соответствовать развитию уже существующей промышленности (не говоря о той, которая должна сформироваться в ходе модернизации), инновационную активность следует увеличить в 10 раз.

В каких же областях получено основное количество патентов? Это информационные технологии и компьютеры (12 560), фармацевтика (12 200), медицинские технологии (12 091), электромашины (11 393), цифровая связь (10 452), телекоммуникации (9343). Как видим, основные сферы изобретательской активности соответствуют V технологическому укладу, который, по сути, отсутствует в России. Отсюда ясна взаимосвязь между промышленной и инновационной политикой. Лучший стимул для инноваций – наличие соответствующих отраслей промышленности, и наоборот – пул изобретений, открытий, патентов, людей, готовых воплощать все это на практике, открывает новые горизонты для соответствующей отрасли промышленности.

Первая волна кризиса стала тяжелым испытанием для мировой инновационной сферы. Например, в 2009 г. число зарегистрированных гражданами США патентов уменьшилось на 10 %, по сравнению с показателем 2008 г. Но безусловными лидерами являются Китай и Россия. Китай увеличил число запатентованных изобретений примерно на 30 %, а Россия сократила на 29,1 %. Поэтому в нашей стране, скорее, инновационной системы нет, чем есть. И в ходе модернизации, вероятно, многое придется начинать с чистого листа.

О людях следует сказать особо. В вопросе подготовки кадров промышленная политика тесно смыкается с образовательной. Вспомним слова «железного канцлера» Отто фон Бисмарка о том, что войны выигрывает школьный учитель.

Образовательная сфера стала в последние 20 лет объектом тотального реформирования. Вспомним программы информатизации, гуманизации, интернетизации, гуманитаризации. В последние годы образовательные реформы осуществляются по лекалам Высшей школы экономики (ректор – Я.И. Кузьминов, научный руководитель – Е.Г. Ясин). Среди последних новаций – переход «от культуры полезности к культуре достоинства», жесткое воплощение императивов Болонской конвенции, подстригающей высшую школу России под общеевропейскую гребенку, разрушение отечественной системы образования и переход к системе «бакалавр – магистр», введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ).

Результаты реформ говорят сами за себя. По данным ЮНЕСКО, объем взяток в вузах России в 2007 г. превысил 520 млн. долл. В 2008 г. примерно четверть российских школьников не смогли справиться с тестом по математике даже на тройку (что требовало элементарных знаний). Проведенные и проводимые реформы системы образования России уже вышли на уровень серьезной угрозы для национальной безопасности. При этом возникает тот же вопрос – «быть» или «казаться». При введении ЕГЭ ни на одном из этапов результаты «эксперимента» не публиковались и не обсуждались. Риски и отрицательные последствия «егэзации» средней школы не рассматривались. Поэтому неудивительно, что и оказались все мы у разбитого корыта.

Но, пожалуй, главным является другое. По данным социологов, более 40 млн. граждан России выступают против ЕГЭ. Слушания, устроенные в Госдуме, в Общественной палате, проведенные исследования показали разрушительность подобной реформы. Однако министру А.А. Фурсенко удастся все это игнорировать и продолжать воплощение идей Высшей школы экономики – реализация принципа «деньги следуют за учениками», повышение платности образования, уход государства из образовательной сферы, широкое внедрение тестовой системы, переход от подготовки специалистов к системе «бакалавр–магистр», воплощение принципов Болонской конвенции, вестернизация образования... Как достучаться до лиц, принимающих решения?

В стране вместо нормальной системы отстраивается, говоря словами выдающегося философа и социолога А.А. Зиновьева, «колониальное образование». И все мы ничего с этим не можем поделать. По-видимому, те же опасности имеют место и для промышленной политики, и для модернизации России. Отдельные чиновники и целые министерства работают не на воплощение принятых политических решений, а двигаются в противоположную сторону. Возникает управленческий хаос и социальный аутизм. Давайте посмотрим, какие цели перед системой образования ставит лидер в инновационной сфере – США. Они хотят быть, а не казаться, и ставят перед собой ясные и конкретные цели. Джордж Буш и его предшественник организовали большие, стоящие миллиарды долларов программы, направленные на то, чтобы младшие школьники США научились хорошо читать и считать. Барак Обама выдвинул в 2009 г. национальную образовательную инициативу. Ее цель – добиться, чтобы американские школьники занимали первые места на международных олимпиадах по физике и математике (сейчас на многих олимпиадах по этим предметам уверенно лидируют школьники Китая). По мысли Б. Обамы, именно та страна, школьники которой сейчас являются лучшими в области физико-математических наук, будет править миром через 20 лет. Сейчас американские коллеги серьезно изучают опыт организации физико-математических олимпиад в СССР, переводят соответствующие задачки и пособия, заказывают обучающие программы российским учителям, профессорам, программистам. Они идут туда, а мы двигаемся обратно. Они – вверх, мы – вниз...

Еще один принципиальный, с точки зрения промышленной политики, момент. Как уже отмечалось, участие России в процессе глобализации может быть только весьма ограниченным и опирающимся на анализ не только выгод, но и угроз и рисков, с которыми связан этот процесс. Полезно иногда взглянуть на глобализацию и в историческом контексте. Уро-

вень глобализации, не уступающей нынешнему, имел место и в начале XX в., перед Первой мировой войной. Поэтому важнейшим направлением промышленной политики должно быть развитие внутреннего рынка. В самом деле, Россия должна кормить, лечить, обогревать, учить и защищать себя сама. Никто другой за нас эти задачи не решит. И в этом отношении у нашей страны есть большие традиции. Вспомним слива выдающегося дипломата А.М. Горчакова (1798–1883): «Россия сосредотачивается». Именно этот политический курс, на десятилетия опередивший вектор развития страны и ее промышленную политику, в полной мере оправдал себя. Россия не может стать энергетическим гарантом ни для Запада, ни для Востока. Поэтому модернизация страны должна определить и воплотить в реальность другие направления развития. Вспомним слова великого химика Д.И. Менделеева о том, что сжигать нефть так же неразумно, как топить печь ассигнациями. И это еще более справедливо в нынешних реалиях. Россия занимает второе место в мире по добыче нефти и седьмое по доказанным запасам. Форсированная добыча российской нефти происходит за счет запасов, которые должны были бы достаться поколению наших детей и внуков.

Наконец, и в истории новой России есть пример политики, позволившей поразительно быстро восстановиться после тяжелейшего дефолта 1998 г. Эту политику блестяще реализовало правительство Е.М. Примакова. Резкое сокращение импорта позволило в те годы быстро подняться на ноги отечественным производителям. Предыдущий председатель Комитета по промышленности Государственной думы Юрий Дмитриевич Маслюков (1913–2010) часто призывал к реализму и прагматике в экономическом и промышленном развитии. Эффективные и успешные стратегии и технологии не должны отбрасываться. По сути дела стране для проведения модернизации, выработки и проведения промышленной политики нужны Госплан, Госснаб, Госкомцен и Госкомитет по науке и технике нового поколения, использующие современные управленческие стратегии, системы поддержки принятия решений, методы компьютерного моделирования и прогнозирования. Существующий государственный аппарат неэффективен. Он с трудом справляется с задачами оперативного управления, оказывается бессилен в период кризисов и стагнации и не способен реализовать задачи модернизации страны. Вероятно, нужен еще один контур государственного управления, ориентированный на диктатуру развития, на решение стратегических задач в условиях жестких ресурсных и временных ограничений.

На наш взгляд, судьба российской модернизации будет решаться именно на уровне регионов. Нефть и газ есть только в 16 субъектах Федерации. Во многих регионах уже столкнулись и с депопуляцией, и с деиндустриализацией. Например, за период с 1991 по 2008 г. население Дальнего Востока сократилось на 1,5 млн. человек, или почти на 20 % (население всей России за это время сократилось на 4 %). Если подобная тенденция сохранится, то к 2050 г. население региона составит не более 4,5 млн. человек.

Географы видят признаки перехода от линейно-узлового к очаговому типу территориального, расположения производительных сил в значительной части России. Предлагаемое переселение из моногородов будет приводить к потере освоенной территории. Поэтому и на региональном уровне крайне важно эффективное, точное региональное управление с ориентацией на дальнюю перспективу. Нужны региональная, инновационная система, промышленная и социально-экономическая политика.

Есть еще три отрасли промышленности, требующие особого внимания. Это промышленность оборонного комплекса. С точки зрения инноваций эта сфера имеет определяющее значение. Множество высоких технологий, без которых мы не мыслим нашей реальности, первоначально создавались для производства оружия. Это неудивительно – именно в этой сфере отношение цена/качество может быть большим. (Даже небольшое преимущество перед оружием возможного противника может оказаться принципиальным.) В настоящее время оборонный бюджет США превышает расходы всех остальных стран мира вместе

взятых. И одна из целей этих сверхрасходов – технологическое перевооружение высокотехнологичной промышленности, форсированное развитие инновационного сектора экономики, освоение возможностей VI технологического уклада. Число патентов, полученных американскими гражданами в 2009 г., показывает, что такая стратегия дает результаты. Именно поэтому важнейший момент, на который стоит обратить внимание, это трансферт технологий и кадров из сферы оборонной промышленности в гражданский сектор экономики (отсутствие эффективных механизмов такого трансферта стало одной из причин поражения Советского Союза в «холодной войне»). В ходе реформ, проводимых под руководством министра обороны РФ А.Э. Сердюкова, происходит быстрое сокращение численности Вооруженных сил России. В соответствии с планами реформ к 2012 г. численность сухопутных войск должна сократиться примерно в десять раз, военно-воздушного флота – вдвое, военно-морских сил – вдвое и ракетных войск стратегического назначения – в полтора раза. В ходе реформ уже разгромлены военная наука, военное образование и военная медицина. До начала реформ по обычным вооружениям соотношение сил между Россией и НАТО было 1:60.

Александр III говорил, что у России есть два союзника – это ее армия и флот. Без большого преувеличения можно сказать, что у новой России уже нет ни армии, ни флота, и ее суверенитет обеспечивает только ракетно-ядерный щит. Серьезные проблемы мы видим и в оборонном комплексе. Отражение этого – тяга чиновников к импорту оружия. Вертолеты планируется закупать во Франции, беспилотные летательные аппараты – в Израиле, винтовки – в Англии и пистолеты – в Италии. Перефразируя известную мудрость, можно сказать, что народ, который не хочет кормить свой оборонно-промышленный комплекс, будет кормить чужой.

Отсюда следует очевидный вывод – армия, численность которой опасно уменьшится в ходе модернизации, должна перевооружиться в сжатые сроки отечественным оружием, созданным на основе достижений VI технологического уклада.

Одно из ключевых направлений промышленной политики – обеспечение безопасности и управление риском аварий и техногенных катастроф. Эта деятельность не только гуманна, но и очень выгодна для общества в целом. Мировой опыт говорит, что каждый рубль, вложенный в прогноз и предупреждение чрезвычайных ситуаций, позволяет сэкономить от 10 до 1000 рублей, которые пришлось бы вложить в ликвидацию или смягчение последствий уже произошедших бед. С 1994 г. мировым сообществом был взят курс на мониторинг, прогноз и предупреждение стихийных бедствий, техногенных аварий и катастроф. В 2000 г. сотрудники ИПМ и ряда других академических институтов, а также ряд руководителей МЧС России выпустили в издательстве «Наука» монографию «Управление риском. Риск. Устойчивое развитие. Синергетика». В ней была предложена стратегия повышения безопасности техносферы и проанализирована опасность инерционного развития техносферы. В 2002-м ИПМ, поддержанный десятью другими академическими институтами, вышел с предложением создать Национальную систему научного мониторинга опасных явлений и процессов в природной, техногенной и социальной сферах. Пройдя множество согласований, этот проект был остановлен на уровне Правительства РФ.

Анализ состояния российской промышленности показывает, что для ряда отраслей критический рубеж уже перейден. Степень износа основных фондов очень велика, инвестиции недостаточны, начался вал техногенных катастроф, о котором ученые предупреждали более десяти лет назад. На территории России около 50 тыс. опасных объектов и около 5 тыс. особо опасных. Реальностью могут стать техногенные аварии и катастрофы, в результате которых погибнут или серьезно пострадают сотни тысяч людей. Поэтому обеспечение промышленной безопасности в современной России должно идти с очень высоким приоритетом. Вероятно, здесь требуются чрезвычайные меры. Примеры, которые у всех на слуху, –

авария Саяно-Шушенской ГЭС и авария на шахте «Распадская». Эти аварии роднит то, что современные технологические средства позволяют предупредить подобные аварии (разумеется, если не пренебрегать результатами мониторинга). На ликвидацию последствий обеих катастроф требуется около 40 млрд. руб. ... из федерального бюджета.

Напомним задачу, поставленную российским президентом, – эффективное управление страной в существующих границах. Это требует промышленного развития многих регионов России, включая Сибирь, Север, Дальний Восток. Это также должно стать одним из приоритетов промышленного развития России. И жители этих регионов, и предприниматели, работающие там или приходящие туда, должны иметь и ясную перспективу, и государственную поддержку. Криминал здесь должен быть поставлен в жесткие рамки. Системы льгот, программы доступного жилья, множество других мер, работающих на это, должны рассматриваться как неотъемлемая часть проекта модернизации страны. В свое время выдающийся государственный деятель России С.Ю. Витте вложил огромные усилия в увеличение протяженности сети железных дорог России, в строительство Транссибирской магистрали. Это был большой проект конца XIX в. Возможно, именно он и позволил России сохранить огромные территории Дальнего Востока, Чукотки, Камчатки. Выдающийся математик, философ, мыслитель, академик Н.Н. Моисеев считал, что если Русь возникла на пути «из варяг в греки», то становление новой России должно происходить «на пути из англичан в японцы». Под его руководством прорабатывались и вопросы расширения использования важнейшего транспортного ресурса России – Северного морского пути. Должно измениться само отношение к огромной части России за Уралом. Это не «кладовая» – кладовую можно открыть, когда надо, и закрыть, когда надобность отпадет. Это не «мост» – около моста жить неудобно. Это, как и другие регионы, дом для миллионов человек, который должен быть удобным, благоустроенным, надежным, безопасным, родным. Этот императив требует соответствующей инфраструктуры и развития ряда отраслей промышленности. При этом транспортные пути выступают не как самоцель, а как инструмент развития, который также следует создавать и активно использовать в ходе будущей модернизации.

В настоящее время набирает силу процесс глобализации, связанный с «асфальтированием» экономического, культурного, социального пространства стран «третьего мира». Под флагом «вестернизации» формируется «многоэтажный мир», происходит деградация социально-экономических систем, их примитивизация. Многие страны, которые 30 лет назад считались развивающимися, сейчас относят к «конченным». С другой стороны, инвестиции в ряд стран полупериферии мировой экономической системы (Бразилия, Индия, Китай) стали существенно прибыльнее, чем в страны, относящиеся к ядру мировой системы. Более того, как и в случае Южной Кореи, сохранение и адаптация своей культуры, смыслов и ценностей, своего жизнеустройства к новым реалиям становится не помехой, а условием успешной социально-технологической модернизации.

И если XIX столетие можно было назвать веком геополитики, XX – веком геоэкономики, то, по-видимому, наступившее столетие станет веком геокультуры. Соперничество будет происходить в информационном пространстве, в области смыслов и ценностей, в сфере проектов будущего и представлений о возможном и желаемом. И в этом плане западная цивилизация столкнулась с серьезными проблемами. Традиция протестантизма, основы которой были заложены Мартином Лютером, сыграла, по оценке Макса Вебера и других выдающихся социологов, важнейшую роль в становлении капитализма. И именно сейчас она сталкивается с глубокими системными противоречиями. Индивидуализм, культ потребления, огромное развитие виртуальной реальности, жизнь в настоящем – символы общества постмодерна – все менее соответствуют сегодняшним реалиям и утрачивают притягательность.

Наглядный пример – отношение к будущему. По-видимому, символ нашей эпохи – концепция устойчивого развития (если весь мир начнет жить по стандартам Калифорнии, то всех разведанных запасов полезных ископаемых на Земле при существующих технологиях хватит на три–пять лет). С другой стороны, по мысли Фридриха фон Хайека – классика либеральной экономической мысли, – мы не должны слишком беспокоиться о следующих поколениях, поскольку у них нет возможностей позаботиться о нас. Другой пример – интеллектуальная собственность. Она просто «не помещается» в прокрустово ложе традиционной либеральной концепции-имущества. Мир переходит к «экономике внимания». Становится неясно, кто кому должен платить – тот, кто привлек внимание к своему продукту, или тот, чье внимание оказалось привлечено.

Рассуждая о цивилизации, этносах, народах, традиционно делают акцент на общности языка, культурных и моральных норм, общности исторической судьбы и территории. Однако не менее важными представляются уровень и характер социальной самоорганизации и тип жизнеустройства, что можно пояснить на двух простых примерах. После российского дефолта 1998 г. многие западные эксперты оценивали время возврата экономики на прежние позиции после этого тяжелейшего удара (уничтожившего значительную часть среднего бизнеса России) в 15–20 лет. Вопреки их прогнозам и ожиданиям восстановление произошло удивительно быстро. Ряд социологов объясняют это иным, не характерным для западного общества типом самоорганизации. Последнее связано с существованием в обществе так называемых доменов – неформальных групп численностью от пяти до тридцати человек (иногда это члены семьи, иногда друзья или сослуживцы). В случае возникновения проблем у одного из членов такой малой группы весь домен стремится помочь и воспринимает эти проблемы как свои.

Века жизни в условиях «социальной атомизации» во многих западных странах («каждый за себя, один Бог за всех») породили и свои алгоритмы социального управления, и свое законодательство, и главное – свой тип идеологии и человека. И, конечно, социальные неустойчивости в атомизированном обществе (они сродни тем, которые изучает статическая физика).

Заметим, что это ясно проявилось и в ключевых достижениях европейской науки. Элементарная сущность, лежащая в основе политической экономии Маркса, – товар (потребительская стоимость, отчуждаемая от производителя). В фундаменте теории Дарвина и последующих построений – наследственность, изменчивость и отбор, связанный с конкуренцией. (В то же время сотрудничество, взаимная адаптация, симбиоз играют, как сейчас и считают многие биологи, не меньшую роль, чем конкуренция. И в целом биоценоз представляется не только как набор видов, связанных отношениями «хищник–жертва», а как сложная система со множеством положительных и отрицательных обратных связей. Именно эта сложность, как утверждает один из разделов синергетики – теория самоорганизованной критичности, – и отвечает за множество эволюционных феноменов.)

Мир России часто называют цивилизацией Севера. И многие века жизни в зоне рискованного земледелия при постоянной военной угрозе сформировали свой, общинный тип самоорганизации (вероятно, тесно связанный с нынешними доменами) и свое отношение к жизни. Императивы «общее выше личного», «духовное выше материального», «справедливость выше закона», «будущее важнее настоящего и прошлого», естественные для нашей цивилизации, чужды западному мировосприятию. И социальные неустойчивости здесь иные! Если западный социум это, скорее, «газ» атомов – индивидуумов, то русский мир можно сравнить со сложной нейронной сетью, в которой сложные и разнообразные связи между элементами придают целостность и качественно новые способности объекту (подобно тому, как связи между клетками мозга – нейронами – превращают совокупность в нечто качественно иное).

Грубо говоря, основой западного общества является либеральная идеология, сложившаяся в течение веков жесткой общественной борьбы, развитая отточенная система законодательства (вспомним знаменитое «то, что не запрещено законом, то разрешено»). Для мира России первичны многие неописанные, моральные нормы, и здесь естественно было бы, чтобы общество, с совокупностью его ключевых связей, оказывалось основой идеологии. Рассматривая модернизацию, неразумно и непродуктивно вырывать какую-то одну ее сферу или аспект. Необходим целостный, системный взгляд. Основу для него дает теория технотенозов, развитая в последние годы американскими исследователями Л.Г. Бадалян и В.Ф. Криворотовым. Под технотенозом мы понимаем совокупность осваиваемой обществом природно-климатической зоны, ее ресурсы (включая один из основных – энергосистемы), используемые технологии, совокупность общественных отношений и институтов, технологий производства и управления (по сути это распространение идей В.И. Вернадского на область социальных систем). Каждая успешная цивилизация, занимающая лидирующие позиции, находит свой, оригинальный способ освоения природно-климатической зоны, «неудобий» в рамках прежнего жизнеустройства. Например, в конце XIX в. тяжелой территорией считалось то пространство, которое ныне занимают США. Однако железные дороги (а позже система хайвэев), щитовые дома, ряд финансовых технологий поддержки проектов освоения страны превратили за небольшой срок огромную страну в цветущий край, позволили найти адекватное этим реалиям жизнеустройство.

Именно такая задача должна быть решена и миром России в ходе модернизации. Не секрет, что за два последних десятилетия российских реформ из пяти жителей Сибири один человек переселился в европейскую часть страны. Пустеют Север, Дальний Восток, Камчатка и Чукотка. Это признак геополитического и геокультурного неблагополучия.

В нормальной ситуации люди должны быть довольны и своим образом жизни, и местом, в котором живут, своими и своих детей перспективами. Именно это и является одним из главных критериев успеха модернизации. Чтобы Россия имела будущее в истории, это необходимо сделать и в нашем отечестве.

«Дружба народов», М., 2010, № 9, с. 167–187.

РОССИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕРЕЗ ТЕСНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

(Из доклада на международной конференции «Россия и исламский мир»)

Равиль Гайнутдин, председатель Совета муфтиев России

Выдающийся татарский просветитель, один из лидеров движения за обновление мусульманского сообщества России – так называемого российского джадидизма рубежа XIX–XX вв. – Исмаил-бей Гаспринский (1851–1914) в книге «Россия и Восток» пришел к очень интересному с точки зрения реалий современной российской действительности выводу: «Мне кажется, – писал он, – что в будущем, быть может недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы». Поводом для таких провидческих слов, высказанных Гаспринским в далеком 1881 г., послужило, конечно же, его глубокое и, подчеркнем, верное убеждение в том, что вклад мусульманских народов России в ее самобытное цивилизационное развитие мог бы быть вполне сопоставлен с тем, что внес в него русский православный народ.

С тех пор утекло немало воды, страна в XX в. прошла через несколько совершенно разных социально-экономических формаций и политико-идеологических режимов, что, как известно, крайне тяжело отразилось на жизни всех верующих, независимо от их конкретных религиозных конфессий. Вместе с тем общий вектор развития России как многонационального и поликонфессионального государства остался неизменным, несмотря на весь драматизм и даже трагизм ее истории в минувшем XX в. И сегодня все мы можем свидетельствовать, насколько, в частности, верным оказалось предвидение ее великого мусульманского сына: нынешняя Россия, если принять во внимание динамику развития ее мусульманского сообщества, действительно является значительной мусульманской страной. И этот факт, кстати, стал в октябре 2003 г. по существу главным аргументом тогдашнего российского президента В.В. Путина, когда он, будучи почетным гостем Десятого саммита ОИК в Малайзии, поставил вопрос о прямом вступлении России в той или иной форме в самую крупную и влиятельную международную исламскую организацию современного мира. «Убежден, – заявил он в своем выступлении на том памятном Форуме, – участие России не только дополнит яркую палитру Организации, оно добавит в ее работу новые возможности, принесет вес и голос крупной российской мусульманской общественности – Общины, которая уже не отделяет себя от мирового сообщества мусульман и готова к плодотворному участию в его духовной, культурной, политической жизни.

На протяжении многих веков Россия как евро-азиатская страна переплетена с исламским миром традиционными, естественными связями. В нашей стране исторически проживают миллионы мусульман, и они считают Россию своей родиной».

Совсем недавно, в июне текущего года, нынешний российский президент Д. Медведев, выступая в Каире на встрече с постоянными представителями стран – членов Лиги арабских государств, еще раз разъяснил глубинные причины стратегического характера взаимоотношений России с Исламским миром: «Ислам, – заявил он, – является неотъемлемой частью российской истории и культуры... Скажу прямо, у России нет необходимости добиваться дружбы с мусульманским миром. Наша страна сама по себе является органичной частью

этого мира: ведь российские мусульмане – это около 20 миллионов наших граждан. Такая цифра говорит сама за себя. Именно поэтому мы ценим наши расширяющиеся взаимодействия с Организацией Исламская конференция, где мы при активной поддержке наших друзей также получили статус наблюдателя». Вдумаемся в этот поистине исторического масштаба факт: миллионы российских мусульман, которые, согласно исламскому вероучению, являются, как и все остальные мусульмане, неотъемлемой частью всемирной мусульманской уммы, благодаря активному содействию своего государства влились в нее и формально! То есть начало XXI в. ознаменовано для российских мусульман полным восстановлением живой связи с ней, а осень 2003 г., когда В.В. Путин, сделал свои исторические заявления на Исламском саммите в Малайзии, они рассматривают как важнейшую веху в своей новейшей истории, с которой началось масштабное восстановление их исторических связей со своими зарубежными единоверцами. И отрадно отметить, что российские мусульмане приложили немало сил для того, чтобы Россия могла успешно и в короткие сроки интегрироваться в ОИК. Эта идея постоянно звучала в ходе визитов в арабские страны, а также в наших выступлениях на многих конференциях, которые проходили как в России, так и за рубежом. Об этом я не раз говорил во время встреч с монархами Марокко, Кувейта и Саудовской Аравии. Могу вспомнить наше официальное обращение в адрес Президента Исламской Республики Иран Мухаммада Хатами, который с 1998 г. возглавлял ОИК в качестве председательствующей страны. Таким образом, можно констатировать, что мы, мусульмане, в рамках возможностей религиозной, народной дипломатии сделали все от нас зависящее, чтобы сблизить Россию с исламским миром.

Заслуживает самых высоких оценок и огромная работа в этом направлении, проделанная МИД РФ и внешнеполитическими структурами, курирующими и координирующими государственные связи с арабо-мусульманским миром. Большие усилия по разъяснению важности вступления России в ОИК были сделаны нашими учеными-исламоведом – академиком Е.М. Примаковым, директором Института востоковедения В.В. Наумкиным и многими другими. Сегодня можно уверенно констатировать, что вступление России в ОИК – это плод целенаправленных и коллективных усилий как самого государства и российского общества, так и мусульманской общественности в целом.

Итак, подчеркнем еще раз: курс на всемерное сближение России с Исламским миром – это естественный курс, имеющий под собой глубокие и прочные основания. По меткому выражению Президента Республики Татарстан Минтимера Шаймиева, «стремление к развитию долгосрочного сотрудничества с Исламским миром – это не конъюнктурный момент для России». И наша общая задача, на мой взгляд, заключается в том, чтобы как можно полнее и эффективнее использовать открывшиеся пять лет назад возможности. Это могло бы найти отражение не только в росте масштабов экономического сотрудничества России с мусульманскими странами, которые сегодня, несомненно, значительно ниже, чем они могли бы быть. В Москве по инициативе председателя Торгово-промышленной палаты академика Е.М. Примакова успешно действует Российско-арабский деловой совет с двусторонними комиссиями. По нашей инициативе совместно с Исламским банком развития изучаются возможности практического использования механизмов исламского банкинга в российской финансовой системе. В СМР разработана программа по знакомству с элементами исламских финансовых институтов с целью их дальнейшего внедрения в практическую деятельность российских банков. В условиях мирового финансового кризиса такие шаги могут быть очень востребованы в недалеком будущем. Не сомневаюсь, что они, безусловно, будут успешными при условии всемерного развития наших связей с ОИК и такими ее аффилированными органами, как например, Исламская Организация по образованию, науке и культуре (ИСЕКО), своеобразная параллель ЮНЕСКО для Исламского мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.